

Игумен Петр (Пиголь)

Афонский старец иеросхимонах Иероним (Соломенцов) и Константин Леонтьев игумен Петр (Пиголь)

Плод афонского воспитания выдающегося русского православного мыслителя Константина Леонтьева под руководством святогорского старца Иеронима (Соломенцова) очевиден: это спасительное духовное созревание христианина для Царствия Небесного. Из монастыря вышел уже не «эстетик-пантеист», как характеризовал себя Леонтьев, но: убежденный христианин, православный государственный и мыслитель, предлагающий обществу путь к спасению на основании евангельских и святоотеческих принципов.

К вопросу духовного преемства

Имя русского афонского старца, первого духовного наставника Константина Леонтьева, должно быть знакомо всем, читавшим леонтьевские статьи, воспоминания и письма. Влияние на него отца Иеронима, жизнь под его духовным руководством в 1871–1872 годах на Святой Горе, в Русском Пантелеимоновом монастыре, определило дальнейшую судьбу Леонтьева и окончательно сформировало его мировоззрение – мировоззрение христианина, верного чада Православной Церкви, для которого главное – это спасение своей души, и вместе с тем патриота, заботящегося об укреплении и процветании своей Родины.

Только твердо стоя на церковной почве, можно правильно понять и оценить мысли и идеалы Константина Леонтьева. Их ценность заключается, прежде всего, в том, что они основаны на евангельском учении и выверены по святоотеческому наследию и церковным правилам.

Для исследователей русского Афона и биографов отца Иеронима (Соломенцова) важен сам дух леонтьевских сочинений. Они – и создававшиеся на Афоне, и самые поздние – пронизаны афонским духом, пропитаны той атмосферой древнего византийского церковного Православия, в которой жили афонские монахи, жил отец Иероним, в которой возрастали его духовные преемники. Нам также важно увидеть их рядом – наставника и ученика. В наше время имя отца Иеронима в России,

да и на Афоне, вспоминается гораздо реже, чем во времена Леонтьева. Поэтому так важны живые леонтьевские свидетельства о своем «величественном, весьма суровом и обожаемом» наставнике, оценка его личности, содержание его бесед и наставлений.

В последнее время все больше возрастает интерес к обоим выдающимся личностям – к старцу и послушающему его слово. Собираются и переиздаются труды Константина Леонтьева. Собирается по крупицам и публикуется духовное наследие отца Иеронима, материалы к его жизнеописанию, мы начинаем углубленно вникать в его учение.

Наследие старца Иеронима ценно для нас тем, что он создал духовную систему спасительного устройства жизни, которую можно назвать аскетически-общественной и которая пригодна для всех видов общинного христианского жития. И мы видим, что основные положения духовных сочинений и политической публицистики Константина Леонтьева, начиная с афонского периода его жизни, полностью совпадают с принципами этой системы.

Рассмотрим кратко личность иеросхимонаха Иеронима (Соломенцова), его жизнь на Афоне и его учение, чтобы проследить духовное преемство между ним и Константином Леонтьевым.

Будущий великий старец (в миру Иоанн) родился в Старом Осколе в 1806 году, получил благочестивое воспитание в богобоязненной купеческой семье, предки которой происходили из духовного звания, с раннего детства прислуживал за богослужениями в храме, пел на клиросе. Духовные дарования его проявились очень рано, так что его даже называли юношей-старцем. Оставив родительский дом в 25-летнем возрасте и прожив несколько лет в российских монастырях, он отправился в далекий путь «из варяг в греки», привлеченный рассказами об особо благодатном и святом месте – Афонской Горе.

На Афон он прибыл в 1836 году в числе первых русских паломников, попавших на Святую Гору после 100-летнего перерыва, связанного с постоянными русско-турецкими войнами. На Святой Горе он обрел то, о чем благочестиво мечтал с раннего детства. Афон, этот, по словам архимандрита Леонида (Кавелина), осколок Византии, оставался «духовной школой православного монашества» [цит. по: 33, с. 27] всех национальностей со всего света, где желающий спасения мог найти совершенный образец всех родов подвижничества.

Имея любовь к безмолвию, Иоанн Соломенцов приобрел келлию (дом с храмом-параклисом) и поселился в ней с двумя появившимися у него учениками. Вскоре он был пострижен в мантию с именем Иоанникий и

собирался всю жизнь провести в афонской пустыне. Но по благословению своего старца, известного афонского духовника иеросхимонаха Арсения, ему вскоре пришлось переселиться в Русик, как кратко греки называли Русский монастырь святого Пантелеимона.

Этот древний, известный с XII века монастырь давно уже перешел во владение к грекам. В начале XIX века монастырь испытал такой упадок, что протат (святогорское монашеское соборное управление) хотел продать его за долги. Маленькое греческое братство, среди которого не было ни одного русского монаха, во главе с пожилым игуменом Герасимом испытывало бедствия, голод, насмешки от афонцев за то, что несколько лет подряд не могли отпраздновать свой главный праздник (панигир), день памяти святого великомученика Пантелеимона. Утешали себя пантелеимоновские греки известным святогорским пророчеством: «Бог не оставит сию обитель, но воздвигнет такого мужа, который ее возродит».

Этим долгожданным мужем и стал русский монах Иоанникий (Соломенцов). После слезных просьб пантелеимоновских греков о помощи в восстановлении монастыря, напутствуемый пророческими словами своего старца: «Иди в Русскую обитель: Господь там хочет сотворить нечто дивное», он вселился в 1840 году в Пантелеимонов монастырь, был рукоположен во священный сан, пострижен в великую схиму с именем Иероним и назначен духовником обители.

Почти полвека прожил он в Русике в неустанных трудах, прославившись как возобновитель русского афонского монашества, как ктитор – возобновитель и строитель Пантелеимонова монастыря, как известный многими благодатными дарованиями богомудрый, прозорливый старец-духовник.

Иеросхимонах Иероним, став первым помощником греку-игумену, так мудро повел монастырские дела, что постепенно нашел средства выплатить огромные долги обители, полностью восстановить и отстроить ее жилые и хозяйственные корпуса, благоукрасить храмы. Насельников в монастыре становилось все больше и больше, и в конце жизни отца Иеронима в обители собралось до 1000 человек. Братия состояла в основном из русских и греков, были и сербы, и болгары, и молдаване... Монастырь, как и все святогорские обители, жил, по свидетельству Леонтьева, «своей особой, не греческой и не русской, а православной жизнью» ^{23, с. 59}.

Константин Николаевич Леонтьев Русский консул в Солуни (ныне Салоники) Константин Николаевич Леонтьев впервые приехал в Пантелеимонов монастырь в 1871 году. Обстоятельства приезда хорошо

известны с его слов. Летом 1871 года он тяжело заболел, испугался смерти и взмолился, обращаясь к иконе Божией Матери, висевшей на стене, об исцелении, пообещав постричься в монахи на Афоне. И с ним произошло явное чудо – он выздоровел через несколько часов. Потрясенный и перерожденный действием благодати Божией, столь явственно ощутимой, он отправился на Афон, в Пантелеимонов монастырь. Там Константин Николаевич провел больше года, «изучая», по его свидетельству, «монашескую жизнь и испытывая себя», там он «вступил навеки в духовную связь с монашеством» 13, с. 102, 591.

Каким Леонтьев увидел духовника обители – отца Иеронима?

Леонтьев пишет: «Это был не только инок высокой жизни, это был человек более чем замечательный. Не мне признавать его святым – это право Церкви, а не частного лица, но я назову его прямо великим: человек с великой душой и необычайным умом. Твердый, непоколебимый, бесстрашный, предприимчивый, смелый и осторожный в одно и то же время; глубокий идеалист и деловой донельзя, собою и в преклонных годах еще поразительно красивый, отец Иероним без труда подчинял себе людей, и даже я замечал, что на тех, которые сами были выше умственно и нравственно, он влиял еще сильнее, чем на людей обыкновенных. Оно и понятно. Эти последние, быть может, только боялись его, люди умные, самобытные, умеющие разбирать характеры, отдавались ему с изумлением и любовью. Я на самом себе в 40 лет испытал эту непонятную, даже притягательную, силу. Видел это действие и на других» [4, с. 577]. «Он без труда овладел моей тогда очень гордой волей», – замечает Константин Николаевич [5, с. 584]. Леонтьев перечисляет батюшкины достоинства: «Он музыкант, он иконописец, он строитель, он богослов хороший, он Церкви подвижник неутомимый, он исповедник тонкости и опыта редких» 23, с. 70. Вот Леонтьев описывает «несказанно чтимого» пастыря во время богослужения: на лице его, «красивом, поразительно строгом, необычайно выразительном и твердом, светилось нечто особое – торжественное, тихое, серьезное» 24, с. 348.

Отец Иероним принял Константина Николаевича, как своего духовного сына. Старец уделял ему много внимания, беседовал с ним часами и сам, по свидетельству Леонтьева, находил в этом удовольствие. Из воспоминаний Константина Николаевича ясно, что он мог обращаться к старцу в любое время со всеми своими недоумениями и вопросами.

В одном из поздних своих писем Леонтьев объясняет, кем для него тогда стал старец Иероним: «Для меня отец Иероним афонский был и катехизатор, и старец. После Иеронима отец Амвросий (Оптинский – И.

П.) ничуть не удовлетворял меня. К тому же я невольно видел разницу в размерах дарований – не духовных, эти могли быть равны, а природных. У Иеронима были оба ума – и теоретический, и практический, он и рассуждал замечательно, и делал дело превосходно, и учил общему, и руководил частностями» 35, с. 16–17.

Полюбил Константин Николаевич и ближайшего ученика старца Иеронима, «покорного ему постриженника и сына» 24, с. 572 – схиархимандрита Макария (Сушкина), будущего прославленного игумена Русика, которого описал, как «великого, истинного подвижника» и «современного, живого, привлекательного человека» [4, с. 572]. Важно отметить, что Леонтьев, как никто до и после него, понял характер отношений друг к другу двух великих старцев и их значение в жизни Афона. «Отец Иероним был организатор, отец Макарий был только ученик и последователь его. Отец Иероним восстановил на Афоне русское иночество, он создал новую русскую общину и прославил ее. Отец Макарий только приумножил его духовные насаждения. Самого отца Макария сформировал, утвердил и выучил отец Иероним, нередко и жестоким искусом» [Там же, с. 584]; «Отец Иероним был гений, а отец Макарий только дарование, несравненно меньшее» [5, с. 584].

О них обоих пишет Константин Николаевич: «Учусь у них и умнею под старость, скорблю и блаженствую, каюсь и радуюсь и за честь себе считаю их дружбу, их участие, за дар Божий – их наставления!» [4, с. 577].

О том, как сам Леонтьев был воспринят афонскими духовниками, мы отчасти можем узнать из письма отца Макария к архимандриту Леониду (Кавелину): «Новый консул солунский Константин Николаевич Леонтьев – славянофил и с особым взглядом на вещи, переделавшийся из нигилиста в деиста» 34, л. 86об. Несмотря на кажущуюся излишнюю строгость в суждении афонского подвижника, это очень верно замечено. Леонтьев, «в первой юности» не чуждый либеральных идей и увлечений и называвший себя «почти нигилистом» [6, с. 458], имел веру в Бога, но по-настоящему православным, то есть церковным, человеком до Афона не был.

Но для того Леонтьев и «поехал на Афон, чтобы строгие монахи научили его веровать», как вспоминал он впоследствии 13, с. 346.

О вопросах, волновавших тогда Константина Николаевича, и об ответах на них старца мы узнаем, вчитываясь в леонтьевский текст.

Как приобрести веру и страх Божий?

Старец «как нельзя проще» посоветовал ему «повторять только трижды в день: «Господи, пошли мне веру в загробную жизнь и утверди ее в сердце моем»". Леонтьев свидетельствует, что после того, как он стал

выполнять старческую заповедь, иногда даже сухо и невнимательно, Бог послал просимую веру и утвердил его в ней [см.: Там же, с. 347]: «Я молился и уверовал. Уверовал слабо, недостойно, но искренне» [6, с. 459]. С тех пор он «от веры и страха Господня отказаться уже не мог, если бы даже и хотел» [см.: 13, С. 588]. В конце жизни Леонтьев с благодарностью написал: «Приятием личной веры я обязан афонским духовникам» 16, с. 668.

Батюшка объяснял Константину Николаевичу не только правила внешнего поведения «истинно хорошего монаха» [см.: 22, с. 197], но и разбирал с ним самые тайные движения души: афонский духовник говорил о том, насколько неистребим грех самолюбия – «с ним до гроба приходится бороться» 18, с. 95.

А вот чрезвычайно важные и утешительные для Леонтьева – эстета, считавшего эстетикой «мерилом, наилучшим для истории и жизни» [см.: 13, с. 584] – слова старца, ставшие руководством к действию: «Да! Что делать?! У кого чувство изящного сильно, тот от него не отделается. Надо только стараться дать ему безгрешное направление» 35, с. 17. Видимо, ученик хорошо усвоил слова наставника, если впоследствии писал: «Из человека с широко и разносторонне развитым воображением только поэзия религии может вытравить поэзию изящной безнравственности»; «Будем радоваться и благодарить Бога, в церковной разнообразной всецелости находящего Себе эстетическое выражение» 13, с. 303, 318; «Художественное чувство не может не видеть, сколько есть поэзии и в морали евангельской, и в богослужении православном, и в учении аскетическом» [8, с. 594].

Вот еще один очень важный разговор со старцем, во многом, видимо, определивший главные идеи Леонтьева и основные положения его статей. Новообращенный благодушествующий христианин, он спрашивает старца: «Почему бы теперь-то и не процветать христианству? Нравы, несомненно, стали мягче. Озарить бы все это верой и любовью к вере... Это так естественно, так самому приятно, и даже поэзии в этом чувстве так много!» «Нравы, правда, много смягчились, – отвечал старец. – Но зато самомнение у множества людей чрезмерно возросло, увеличилась гордость. Не любят уже повиноваться никаким властям – ни духовным, ни светским: не хотят. Постепенное ослабление и упразднение властей есть приближение царства антихриста и конца мира. Одной мягкостью нравов христианства заменить нельзя» [Там же, с. 589].

В этом ответе старца намечены многие темы, разработанные и всесторонне раскрытые Леонтьевым в дальнейшем:

– пагубность либерального эгалитаризма, смешения и уравнивания прав;

– благотворность и спасительность крепкой власти, опирающейся на иерархическое строение общества, то есть православной монархии, способной надолго задержать предреченное Божественным Откровением господство зла и неверия на земле и приход антихриста;

– невозможность достижения для человечества благоденствия на земле;

– подлинная нравственность основывается на христианском смирении.

Константин Леонтьев полностью погрузился в духовную атмосферу монастыря. В своей дипломатической записке 1871 года он характеризует обитель «как примерную во всех отношениях», говорит о «строгости ее иноческих нравов, порядке, благочинии и вполне русской красоте церковной службы» [7, с. 439]. Самобытность русской церковной культуры, прекрасное пение, столь радовавшее паломников из России, сочетались в монастырской жизни с древними византийскими церковными традициями, подчас очень суровыми и недоступными пониманию мирского избалованного человека, именно: всенощными – действительно на всю ночь – бдениями; многочисленными постными днями; строгой дисциплиной монашеского общежития, когда в келлии нельзя ничего держать без игуменского благословения; откровением помыслов старцу; частой исповедью и причащением. Даже отсчет времени здесь был византийским. Вековой уклад обители, наполненный непрестанной памятью о Боге, порождал истинных монахов.

В древнее суровое общежитие, где многое держалось «узами внешней дисциплины», старец Иероним принес свое неусыпное отеческое попечение и любовь к чадам, он утвердил «духовный о Господе союз греков с русскими» 33, с. 35. «Собственное наше спасение и усовершенствование души нашей находятся в искании пользы для других, а не для себя самих, то есть жить для пользы других. «Более сея любви нет, да кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15, 13)», – часто повторял старец евангельские слова [цит. по: Там же, с. 29]. «Души, теплоты, содержания на Востоке меньше, но там воспитание церковнее. Идеалом было бы соединение того и другого», – писал Леонтьев 27, с. 481. Такое идеальное сочетание строгости и любви он обрел в отце Иерониме. Именно батюшка, по словам Леонтьева, раскрывал и объяснял русским паломникам, не ценившим «древнюю суровость» афонских греков, всю односторонность их понимания христианства, «которое должно быть милостиво, но должно быть и грозно по духу самого Евангелия»: «Религия всепрощения; да! Но вместе с тем и религия самобичевания, покаяния,

религия не только неумолимой строгости к себе, но и разумной строгости к другим. «Иди и не греши...» – сказал Христос, прощая блудницу. Он не сказал: «Иди, ты права!»" 31, с. 446–447

Под руководством старца, свидетельствует Леонтьев, «православным он стал очень скоро» 13, с. 590 и был «обращен к самому существенному – к страху греха» [цит. по: 35, с. 17]. Отец Иероним всегда наставлял своих учеников, что, получив первоначальную благодать, они должны приложить усилие, чтобы удержать ее, и тогда уже будут «твердо стоять». Нужно иметь произволение на некий малый труд.

Из рассказов самого Леонтьева хорошо видно, с какими усилиями пришлось ему понуждать себя к выполнению монашеских обязанностей: вот отец Иероним, сам усталый, измученный и больной, чуть ли не силой прогоняет Константина Николаевича из келлии в храм на всенощное бдение; вот он доведен постом до крайнего изнеможения; вот не может встать на правило, но духовник советует ему начать хотя бы «с досадой и тоской» – и молитва приходит; вот он не получил благословение на чтение столь интересной для него книги – и книгу приходится отложить, вот он задержался вечером в соседней келлии поговорить, поспорить, но «старый батюшка» (так в монастыре все называли отца Иеронима) стучит в дверь, предлагая разойтись... Начинают приходиться к Константину Николаевичу и тонкие монашеские искушения: гордость подвижническая, воображение, что, дескать, «я уже безукоризнен, что я почти святой» 31, с. 445.

Так Леонтьеву «волей и неволей пришлось стать высоким подвижником духовным и телесным» 24, с. 347. Он понял, что «это состояние почти несносного ежеминутного понуждения – оно-то и есть настоящее монашество, то есть добровольное хроническое мученичество во славу Божию» [Там же]. Пройдя первые искушения и получив от Бога первые благодатные утешения за подвиг, он «понял важность» «всего того формализма, который в хорошем монашестве неизбежен и в высшей степени плодотворен для духа, ибо он-то, дающий так мало простора индивидуальным расположениям, даже нередко хорошим, может быть, более всего другого упражняет волю инока ежечасными понуждениями и смиряет его своенравие, заставляя иногда даже и движениям любви и милосердия предпочесть послушание начальству и уставу» [4, с. 575–576]. «Форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающий материи разбегаться», – вскоре напишет Леонтьев в своем главном труде «Византизм и славянство» [2, с. 129].

И если раньше все восточное, византийское вызывало в нем лишь эстетические чувства и практический интерес дипломата, то теперь

древняя византийская церковность, греко-российское православие вошло в его душу и сердце личной верой, страхом Божиим, молитвенной памятью о Боге, а в плоть и кровь – участием в святых таинствах, церковной жизнью. Он научился понимать и любить «всю совокупность внешнего церковного культа», «вещественные явления внешнего богочитания», в которых (а не в одной отвлеченной морали) воплощаются «таинственные, духовные начала христианства» [6, с. 459–460].

Человеком, «желающим блага Церкви», в одном разговоре назвал отец Иероним Константина Николаевича. Это благо Леонтьев видит в сохранении «сурового, не либерального, старого православия» 16, с. 670, святоотеческого «правильного богословия» [9, с. 692], в «строжайшем охранении православной дисциплины» 16, с. 668, покорности «мистически освященной иерархии» [Там же, с. 638], почитании монашества.

Как известно, до конца жизни Леонтьев разрабатывал темы монашества как «высокого цвета христианства» 22, с. 186, которое призвано выразить его «высший идеал»: «святость, отречение, аскетизм, самоотвержение о Христе» 16, с. 637; соотношения страха Божия и любви к людям, аскетизма и милосердия в христианстве; подвижничества монахов и мирян. Леонтьева не смущало ни отсутствие большого сочувствия со стороны его литературных соратников, ни нападки со стороны духовных оппонентов. Ведь и старец Иероним так всегда поучал: «Уступчивость там, где не следует, показывает только слабость духа, недостаток мужества и не полную емлемость за закон Божий, а смешанную с желанием частью угодить и миру, что невозможно. Нужно отстранить от себя малодушие и вредное человекоугодие и возвыситься духом над всем мелочным и грязными расчетами мира» [1, с. 798–799].

Выше мы заметили, что сама вековая атмосфера монастыря воспитывала, назидала, давала простор для «монашеского художества» и духовного творчества. Тем более что время, когда Леонтьев пребывал в монастыре, было чрезвычайно сложным, способствующим плодотворным размышлениям и важным заметкам.

Наряду с радостными для пантелеимоновской братии событиями, связанными с возрождением внешней и внутренней жизни обители, происходили события совсем иного духа. В 1871–1872 годах разгорелись церковные противоречия между греками и болгарами, которые привели к объявлению так называемой болгарской схизмы. Конечно, Афон, где было много насельников-болгар, сочувствовавших своим единоплеменникам, волновался. Нужна была твердая вера в Промысл Божий и послушание церковной власти со стороны духовного руководства и братии Русского

Пантелеимонова монастыря, чтобы, невзирая на невольную симпатию к братьям-славянам, принять единственное канонически верное решение: в то время когда монастыри Зограф и Хилендарь, населенные болгарами, выказали сочувствие болгарским националистам, в Русском монастыре было прочитано и принято к действию определение Константинопольского собора, по которому Болгарская Церковь была отлучена от церковного общения.

В ответ на болгарский филетизм (племенное пристрастие в церковно-канонических вопросах), только что объявленный Вселенским Патриархатом ересью, не-афонские мирские греки, так называемые «свободные эллины» (в основном афиняне), стали провоцировать греков афонских проявить свою ревность в решении национального вопроса на Афоне, то есть всячески преследовать и по возможности удалять русских и славян за его пределы.

В центре внимания «международной», как говорил отец Иероним, «афонской политики» оказался Русский монастырь, где 100-летний игумен-грек Герасим, всегда благоволивший к русским, фактически передал бразды правления монастырем русским духовникам Иерониму и Макарию, причем последнего он на случай своей смерти назначил себе преемником. «Вся злоба, вся интрига, вся эксплуатация разнообразных страстей и искушений направилась против русских монахов святого Пантелеимона, которые славились и на Святой Горе, и далеко за ее пределами своей высокой жизнью и великолепным, примерным во всех отношениях строем своей обители», – пишет очевидец событий Константин Леонтьев [10, с. 89].

Старец Иероним непрестанно молился за вверенную ему Господом братию – и греков, и русских. Но он, будучи послушным сыном и помощником игумена Герасима, при всей своей любви и уважении к афонцам-грекам, хранителям церковных преданий и традиций, не мог допустить упразднения в Русской обители богослужения и чтения в трапезной на церковно-славянском языке в угоду «национальному фанатизму эллинской политики» ^{23, с. 56}. Твердое упование отца Иеронима на Промысл Божий и на обетование Божией Матери афонцам, в соответствии с которым до скончания времен Святая Гора будет принадлежать православным монахам всех национальностей, не посрамило его. Правда Божия восторжествовала. Леонтьев в одной из своих статей того периода сообщает, что отец Иероним смиренно просил Вселенского патриарха Иоакима II о помощи, и замечательный, дальновидный и добросовестный патриарх заступился за русских.

Окончательно смута была уврачевана лишь в 1875 году с законным избранием отца Макария, утвержденного патриархом Иоакимом в игуменском достоинстве. (Нужно добавить, что в обители усердно молились за блаженной памяти патриарха Вселенского Иоакима II. Есть такая умилительная подробность: когда святейший патриарх скончался в 1878 году, монастырский секретарь иеросхимонах Мина включил его имя в «Каталог умерших отцов» Пантелеимонова монастыря наряду с почившей братией.)

Эти два события, в которых Леонтьев принимал самое живое участие и как дипломат, и как афонский насельник, вызвали его глубокие размышления. Ряд статей специально был посвящен им греко-болгарской распри, в которой он увидел зачатки грядущей величайшей опасности как для российской политики на Востоке, так и для Вселенского Православия.

Тогда же зародились темы, ключевые для всего творчества Константина Леонтьева:

– пагубность антиканонических деяний церковных деятелей, основанных на грубом национализме;

– возможности богатого духовного развития в творческом разнообразии при утверждении национальной самобытности и истинной культурно-национальной политике и гибельность политики национальностей как одной из сторон всемирного либерально-эгалитарного прогресса, названного им революцией;

– цели русского влияния на Востоке, возможное разрешение восточного вопроса и создание вслед за тем новой восточнославянской православной общности и культуры на Босфоре.

Эти темы будут доминировать в его творчестве и получат всестороннее развитие и обоснование.

Заметим здесь, что отец Иероним предлагал свое – духовное – решение восточного вопроса: каждый день он молился, чтобы Господь обратил турок в Православие и тем закончились бы смуты на Востоке.

Монастырская жизнь между тем становилась все сложнее, значительно увеличилось число братии, требующей от отца Иеронима неустанного духовного попечения. Хозяйство обители пополнялось новыми службами, цехами, целыми заводами – братия многое потребное для своей жизни производила сама. Монастырь имел большие земельные владения на Афоне и за его пределами. Возрождались монастырские хозяйственные хутора, при греках заброшенные за недостатком средств. По-видимому, близкое знакомство с хозяйством Пантелеимоновой обители легло в основание предложенного впоследствии Леонтьевым

экономического принципа построения общества: «Самая неподвижная, самая неотчуждаемая форма владения есть, бесспорно, богатая, большой землей владеющая община, в недрах своих неравноправная относительно лиц, ее составляющих. К этому ведет история те государства, которым предстоит еще цвести, а не разрушаться» ^{28, с. 423}. Монастыри «процветают хозяйственно» еще и потому, что «движущее ими начало не чисто хозяйственное, не рационалистическое, а религиозное», пишет Константин Леонтьев ^{17, с. 616}. «Господь ущедрил обитель нашу за понуждение ко исполнению обетов монашеских общежительных, приносящих Богу ежедневно и ежечасно плоды духовные», – подтверждает и раскрывает его мысль старец Иероним [цит. по: 33, с. 34].

«Всем, я думаю, известно, что греко-славянский православный Восток у нас, в России, очень мало знали до последнего времени», – писал Константин Леонтьев ^{27, с. 444}. Именно обширной внешней деятельности Пантелеимоновой обители, развернутой с конца 1860-х годов, Россия во многом обязана своим знакомством с Афоном, с другими величайшими святынями Востока и усилению интереса к ним. Отец Иероним всемерные усилия употреблял для открытия в России афонских подворий, живших по святогорскому уставу в древних византийских традициях афонского благочестия. Позднее, в 1875 году, в России был основан целый монастырь – Ново-Афонский Симоно-Кананитский.

Огромное значение для обители имела заведенная старцем душеполезная переписка с российскими корреспондентами, в результате которой многие люди находили ответы на свои духовные вопросы и недоумения, молитвенную поддержку, а обитель получала горячую благодарность за духовную помощь и пожертвования. Известны случаи, когда от монастырских писем с печатью, на которой был изображен великомученик Пантелеимон, в России происходили исцеления.

Отец Иероним начал оказывать деятельную помощь паломникам ко святым местам Востока, принимая и успокаивая их в монастыре на длительное время, как правило без всякой платы, учредил широкую книгоиздательскую деятельность, бесплатную рассылку изданных обителью миллионных тиражей нравственно-назидательных листов, брошюр и книг. Некоторые из них были написаны или составлены самим отцом Иеронимом (он был и духовным писателем) и его ближайшими учениками (в одной из своих работ Леонтьев упоминает известный труд монаха Азария (Попцова) «Акты Пантелеимонова монастыря»). От посланных в Россию икон из пантелеимоновской иконописной мастерской и афонских святынь во множестве происходили чудеса. По мере роста

своего благосостояния обитель смогла отпускать огромные денежные средства и посылать помощь продовольствием православному населению Македонии, бедным греческим и болгарским храмам, поддерживать беднейших афонских иноков-сиромасов, давать работу окрестному населению, дисциплинируя этих бедняков нравственно и приучая к строгой, внимательной жизни. Все это способствовало распространению доброй славы русских монахов и было существенной опорой российскому правительству в его политике поддержки православного населения Востока и усиления российского влияния. В 1880 году солунский консул Михаил Александрович Хитрово имел все основания назвать расцвет Пантелеимонова монастыря «великим делом русского Православия» на Востоке [см.: 1, с. 292]. Подобная деятельность ни в коей мере не была самоцелью, а преследовала выполнение заповеди Господней о любви к ближнему ради угождения Богу и своего спасения. «Кто больше стал полезен тому же обществу, той же русской жизни: те ли разрушители по любви к уравненному и опошленному «человечеству» или эти созидатели русских религиозных общин на чуждом по быту Востоке, созидатели «селений Господа сил» по любви к своей собственной душе?» – вопрошает Константин Леонтьев [4, с. 577].

Леонтьева восхищало в отце Иерониме это умение «проникаться в удалении своем всеми самыми живыми современными интересами» [Там же]. Константин Николаевич прямо в глаза ему говорил: «Вы, батюшка, афонский Бисмарк» [5, с. 584].

Наряду с любовью к далекой родине, ее православному народу еще одна черта в настроении братии не могла не восхищать Леонтьева, столь патриотически настроенного: бесконечная любовь и преданность российскому монарху. Молитва в Русике за царя была постоянна. (Во время Крымской войны, когда турки собирались занять Афон, на ектениях открыто, торжественно, невзирая на грозившую опасность, возносили прошения о даровании победы государю Николаю Павловичу). В 1868 году в Русике в память об избавлении государя императора Александра II от одного из покушений был освящен храм.

Отец Иероним выписывал российские газеты, вообще пристально следил за происходящим в России. К этому его обязывало положение духовника большой обители, населенной русскими, влияние которой на афонские дела с каждым годом возрастало.

Из России часто приходили неутешительные известия. Батюшка знал, что там разрастаются безверие и революционные настроения, совершаются покушения на жизнь государя императора – «дерзкие

подвиги безбожной анархической партии», как называл их старец. Он прекрасно понимал, что события, происходящие на родине, отражаются на духовном состоянии русских афонцев. Он предвидел, что когда дух времени возьмет свое и греховная свобода в России получит широкое развитие, игуменская власть и основные принципы святогорского общежития могут быть поколеблены (что и случилось через 28 лет после смерти старца, в 1913 году, во время афонского имябожнического бунта).

В 1870-х годах отец Иероним много размышляет о состоянии русского монашества, сам составляет и издает в России брошюру «Наставление православным христианам о повиновении властям», посылает графу Игнатьеву свои предложения «О поправлении нравственности в России» – строгие меры для искоренения нигилизма.

Такая твердая охранительная позиция старца, естественная для человека, живущего в строгом послушании Церкви, не могла не радовать, не утешать Константина Леонтьева, поддерживая его в разработке своих главных идей. Все это еще больше сближало старца и ученика – духовных единомышленников.

Так Константин Леонтьев провел в Пантелеимоновом монастыре буквально у ног своего любимого, почитаемого старца целый год. Он участвовал во внутренней жизни обители не как сторонний наблюдатель, приезжий поклонник, а как истинный ее сын. Год афонских аскетических подвигов, постов, бдений, монашеских искушений – это не мало. В конце жизни Леонтьев писал: «С ужасом и благодарностью я вспоминаю теперь об этих жестоких и возвышающих сердце временах» [13, с. 318](#).

«Не ищи здесь, на земле, ничего, кроме Бога и спасения души», – наставлял отец Иероним [1, с. 520].

«Полная духовная зрелость – полная готовность к загробной жизни», – пишет его ученик Константин Леонтьев [4, с. 584].

Благодатное Царство Христово существует невидимо на небе и доступно оно только достойным, созревшим для него духовно. Но воспитание его насельников, подготовка избранных к вступлению в него начинается на земле. И на земле можно создать общество, объединенное единственным интересом – желанием угодить Богу и единственной целью – спасением своей души. Получить спасение души может максимальное число членов общества, если это общество будет строить свою земную жизнь в соответствии с евангельскими и святоотеческими принципами и строго им следовать.

В создании подобного общества полагал отец Иероним свою основную задачу. Утверждая, что человек может спастись в любом месте,

– где понудится творить Божию волю, – максимальную духовную пользу старец видел в общинном устроении жизни. В строгом монашеском общежитии Русика он полностью воплотил свою идею. Стройная система, введенная отцом Иеронимом и зафиксированная в его уставе, правилах внутренней жизни монастыря и старческом духовном завещании, охватывала все стороны монастырской жизни и обеспечивала обители «прочное существование» и верное управление на пути в Царствие Божие при многочисленном многонациональном братстве. «Вы только соблюдайте устав», – непрестанно взывал старец. Побуждение сохранять и применять этот устав явилось одним из главных пунктов предсмертного завещания старца Иеронима.

Основным методом воспитания старца Иеронима своих чад была забота о духовном благоустройстве каждого из братии, что приводило к духовному благоустройству и процветанию обители. Стремление каждого к личному спасению создавало наилучшие условия для устроения спасительного образа жизни всего общества. В братском смирении и послушании нося тяготы друг друга и беспрекословно подчиняясь отцу игумену и отцу духовнику, братство трудилось на разнообразных послушаниях, умом и сердцем пребывая в памяти о Боге, созидая материальное и духовное благополучие обители.

Охватывая все стороны монастырской жизни, предусматривая любые мелочи, аскетическая система старца Иеронима основывалась на следующих основных принципах:

1) во всех словах и действиях исходить только из Священного Писания и учения святых отцов;

2) в единомыслии и братолюбии нести монашеский подвиг: угождать Богу выполнением Его заповедей, подчиняясь строгой духовной дисциплине в соответствии с уставом и монастырскими правилами;

3) уставом и монастырскими правилами определяется каждое действие братии до самых мелочей;

4) соблюдать, применять и сохранять устав, который является основанием общежития; от строгого исполнения его зависит духовное и внешнее благосостояние обители;

5) стяжать духовные плоды, понуждая себя к монашеским добродетелям: непрестанной молитве, смирению и отсечению своей воли, воздержанию и посту, неукоснительному присутствию на длительных богослужениях, частой исповеди и причащению, чтению, труду по послушанию, ибо за это Бог посылает обители щедроты духовные и телесные;

6) каждый день открывать свои помыслы старцу – и плохие и добрые; стремиться стяжать страх Божий и научиться побеждать греховные страсти;

7) власть игумена в обители не должна быть ограничена со стороны людей; духовный собор при игумене – совещательный орган в помощь ему с целью лучшего дознания воли Божией;

8) повиноваться игумену, как Самому Христу; не допуская никаких разделений братии на партии, смотреть на общежитие, как на Церковь Христову, имеющую единую главу – Христа;

9) в общежитии необходим старец-духовник – духовный советник игумену и братии; всячески сохранять древние традиции старчества, как Божественное устройство;

10) уклад монастырской жизни, его духовная атмосфера должен способствовать возрастанию подвижников;

11) духовное начальство должно по возможности заботиться о материальном благоустройстве жизни, чтобы не было ропота в братии и враг-диавол не переманивал братию в мир;

12) соблюдать экономическое равенство при иерархической структуре общества, когда «младший благословляется старшим»;

13) игумен должен иметь неусыпное отеческое попечение и любовь к чадам, относиться к ним как к любимым детям;

14) почитать небесных покровителей обители и святыни, что будет залогом безбедного существования обители;

15) создавать церковное единение в духе любви о Господе, в первую очередь молитвой за благодетелей и за всех православных христиан;

16) святая обязанность – нищелюбие, милосердие и странноприимство;

17) сохранять духовный союз о Господе с братьями-греками и иноками всех других национальностей;

18) молиться за царя.

Эти принципы, основанные на Евангелии и Церковном Предании, применимы в любом обществе, большом и малом, как в монастыре, так и в государстве, лишь бы в обществе существовало стремление ко спасению, они всегда современны, поскольку «не прейдет ни одна черта» из учения Христова (Мф. 5, 18).

Константин Леонтьев неоднократно подчеркивал, что главное для него – личное спасение и процветание любимой отчизны как «оплота православия на земле» [20, с. 341]. А это не что иное, как христианская подвижническая жизнь в православном земном царстве с сильной властью,

которая единственная способна остановить всеобщее безверие и анархию и тем самым задержать приход антихриста и конец мира.

Основные положения четкой аскетической общественно-политической системы, названной им византизмом, оформились у Леонтьева во время пребывания на Афоне и сразу после выхода из обители. Они также основаны на Священном Писании и Предании Церкви:

– в религии: строгое святоотеческое Православие («положительная, уставная религия» [13, с. 295](#)), заключающее высокое духовное учение в твердые обрядовые и уставные формы, понуждение к подвигу во Христе и церковная дисциплина;

– в государственном устройении: Православием освященное самодержавие, опирающееся на сословное, иерархически устроенное общество;

– в нравственности: отвержение идеи всеравенства в правах и земного вседозволения, ненадеяние ни на что земное, устремленность лишь в Царствие Небесное;

– в области культурно-национальной: резкое обособление от Запада с его «религией вседозволения» и либерально-эгалитарным устройением, утверждение восточно-православной культурной самобытности.

Не меняясь в главном, в дальнейшем эти положения им уточнялись и дополнялись.

Думал ли отец Иероним оставить Константина Леонтьева в обители? Тот, по собственной его оценке, в монастыре «слабо жил» [19, с. 230](#), но, как часто говаривал старец-духовник, «сразу святым ведь не сделаешь» [цит. по: 32, с. 210]. Главным же было то, что Леонтьев еще находился на государственной службе, русский посол в Константинополе Николай Павлович Игнатьев рассчитывал на него и связывал с ним большие надежды. Старец колебался, как когда-то колебался, медля с постригом будущего отца Макария, не без основания опасаясь его богатых российских родственников. И все-таки отец Иероним склонялся к тому, чтобы постричь Леонтьева, поскольку в письме от ноября 1871 года к своей сестре, игумении Борисовской Тихвинской пустыни Маргарите, просил принять в монастырь жену своего друга – солунского консула, желающего стать монахом [см.: 1, с. 647].

В конце концов, отцы Иероним и Макарий, пишет Леонтьев, «отговорили меня спешить, говорили, что мне нужно духовное подчинение и вместе с тем некоторая телесная свобода, потому что я болезнен» [13, с. 100](#). И сам он, хоть и не без борьбы, убедился в том, что нет для него «ничего лучшего, как пожить при хорошей обители и под

хорошим руководством» [Там же]. Кроме того, батюшка не только не возбрал ему писать, но, прозорливо видя плоды духовного перерождения автора уже по первым написанным на Афоне работам, «обеими руками благословил» его труды. «Все главное мною сделано после 1872–1873 года, то есть после поездки на Афон», – напишет впоследствии Константин Николаевич [Там же, с. 587].

«Благословение отчее созидает дома чад», – сказано в Священном Писании (Сир. 3, 9). Несмотря на многие страдания и материальную неустроенность, Господь по молитвам старцев Иеронима и Макария успокоил Константина Николаевича под конец, как он сам пишет в 1888 году, «и в вещественной обеспеченности, и во внутреннем мире на лоне Православной Церкви». В последний год своей жизни Константин Леонтьев сподобился монашества – исполнил свое желание, обет, данный Божией Матерью, и заповедь своего афонского старца, поучавшего, что в вечность нужно всем идти монахами [см.: 1, с. 529].

Священное Писание определяет критерий оценки соответствия Божественной истине человеческих слов и действий, явлений общественной жизни. Истинное и ложное познается по плодам, которые они приносят (см.: Мф. 7, 16).

Плод афонского воспитания Константина Леонтьева под руководством старца Иеронима ясен: это спасительное духовное созревание для Царствия Небесного христианина, опыт и творческое наследие которого могут использовать все желающие подлинного блага себе и обществу. Из монастыря вышел уже не «эстетик-пантеист», как характеризовал себя Леонтьев ^{18, с. 92}, но:

во-первых, убежденный христианин, который, сознавая собственную греховную слабость и несовершенство, имел твердое произволение спастись и подвизаться о Христе в соответствии с правилами Православной Церкви;

во-вторых, православный государственный, обладающий даром духовного рассуждения, который отчетливо видит действие Промысла Божия в жизни людских сообществ и пользуется тем же единственным евангельским критерием, четко усматривая, куда слоняется воля Божия, благая и совершенная;

и в-третьих, мыслитель, предлагающий обществу путь к спасению на основании евангельских и святоотеческих принципов.

Церковным мировоззрением отныне пронизаны все его произведения и письма. Просто и ясно излагает Константин Николаевич святоотеческое учение и свой духовный опыт, основанный на знании этого учения и

личном христианском подвиге. Приводим ряд цитат из сочинений и писем философа.

«Премудрость – правильное понимание наших отношений к Божеству и людям» 29, с. 332.

«Первый шаг – это разрешение разума искать веры и верить, второй шаг – приобретение страха Божия, а третий – привычки к понуждению себя» [8, с. 595].

«Вот истинно христианский страх – страх от избытка земного благоденствия! Это высшее проявление того аскетизма, без некоторой доли которого и в мирской жизни нет настоящего христианства» [Там же, с. 587].

«Любовь к ближнему, основанная на всецелом вероучении, на любви к Церкви – вот настоящая христианская любовь! Любовь же своевольная, основанная только на порывах собственного сердца, есть очень симпатичная вещь, но она до того «удобопревратна», что может дойти даже и до любви к революции» 29, с. 335.

«Душа удобопревратна и требует безусловного авторитета и сильной власти как духовной (Церкви), так и мирской (государственной, царской)» [3, с. 476].

«Христианство установлено не для одних мягких, чистых или кротко идеальных натур: оно для всех характеров, для всех натур, для всякого воспитания 26, с. 168. Хорошая натура есть особый дар; хорошее направление есть дело свободного избрания. Христианская вменяемость относится не к дарам природы, а к приобретенным усилиями плодам веры и страха Божия [Там же, с. 171].

«Христианство далеко от нынешнего учения о земных удобствах и земном благоденствии. В основании своем оно есть безустанное понуждение о Христе. И все наши добрые качества, облегчающие нам от времени до времени эту борьбу духа и плоти, суть не что иное, как дары Божии. Заслуга только в вере, в покаянии и в смирении, если не можешь понудить себя. Все невольно хорошее в нас, все естественно доброе есть дар благодати для облегчения борьбы. Когда вопреки сухости сердца и равнодушию ума идет христианин в церковь или дома становится на принудительную молитву, это выше с точки зрения личной заслуги, чем молитва легкая, радостная, умиленная, горячая. Такая приятная молитва есть дар, награда, милость. Это не наше – это Божие. Наши только вера и смирение, то есть презрение к себе и благодарение Богу за все, даже и за нестерпимые муки в здешней жизни 22, с. 186.

«Любовь может на земле восходить лишь как благоуханный дым, «яко

кадило пред Тобою», не она жжет, – жжет курение наше, огонь страха, а любовь есть лишь тонкий и высший продукт страдальческого самосгорания всей жизни земной» 13, с. 231.

«Та любовь к людям, которая не сопровождается страхом пред Богом (или смирением перед церковным учением), не зиждется на нем, этим страхом иногда даже не отсекается, – такая любовь не есть чисто христианская, несмотря на всю свою видимую привлекательность, на искренность порывов, несмотря даже на несомненную практическую пользу, истекающую для страдальцев земных от действий такой любви» 29, с. 332.

«Христос не обещал нам в будущем воцарения любви и правды на этой земле, но мы лично должны творить дела любви, если хотим получить прощение и блаженство в загробной жизни» [Там же. С. 333].

«Страх греха, недоверие к себе и есть именно то, что называется обыкновенно смирением» 22, с. 198.

«Если догмат создал обряд и воплотился в нем столь прекрасно, то обряд хранит догмат» [3, с. 501].

«Христианство не может существовать без мистически освященной иерархии; вот и еще причина неравенства и несходства между людьми» 16, с. 638.

«Те, которые думают, что Церковь может жить без монашества (хотя бы весьма несовершенного и слабого) ошибаются» 22, с. 186–187.

«Монашество учит прежде всего себе внимать, о своем загробном спасении заботиться, а все остальное приложится» [8, с. 588].

«Пусть христианин, не способный сам стать монахом, умеет чтить и понимать хорошего инока хотя бы «в теории». Это будет гораздо справедливее и умнее, чем отрицать важность и заслуги того, к чему мы сами не чувствуем себя способными» 22, с. 208.

«Христианству присущ оптимистический пессимизм, который во всяком страдании и зле видит прямую или косвенную пользу для человека, верующего во Христа» 14, с. 293.

«Надо скорее доходить до того, чтобы Иоанн Лествичник больше нравился, чем Ф. М. Достоевский; нужно дожить, дорасти до действительного страха Божия перед учением Церкви, до простой боязни согрешить; образованные люди смеются над этим чувством и говорят: «Что это я буду, как дитя: «Ах! Боженька за это камушком побьет!» Да, побьет!» И счастлив тот, кого побьет» 13, с. 319.

«Религия требует от нас много трудного, но невозможного она не требует» [6, с. 461];

«Одна добрая нравственность, одна чистая этика не есть еще христианство, основа христианства прежде всего в правильной вере, в правильном отношении к догмату» [8, с. 588].

«Каждая добродетель – сестра какому-нибудь недостатку» [10, с. 90].

«Ученость сама по себе еще не есть спасение, иногда она залог отупения» [2, с. 125].

«Простота ума не нужна, простота сердечного отношения необходима» 13, с. 345.

«Я люблю силу ума, но я не верю в безошибочность разума» 22, с. 210.

«В нравственных вопросах не надо слушать слишком сердца тому, кто хочет быть христианином» 13, с. 173.

«Многие, считающие себя православными, и в Страстную даже не могут без мяса продышать: «Уж не внешность ли это одна?» Нет, не внешность одна, а душевный и телесный подвиг. «Вера без дел мертва». Но дела не в одной милостыни, как многие думают, и в любви к ближнему. Она и в любви к Богу. Земное же, доступное нам, выражение любви к Богу есть любовь к Его заповедям. Бог, Христос, святоотеческая Церковь... Повинуясь святоотеческому учению, повинуюсь Христу. Ясно, надо поститься, надо читать, пусть даже насильно и сухо, молитвы, надо говеть и так далее» [Там же, с. 351].

«Вставши утром, каждый день в течение трех, например, месяцев, креститесь на образ и проговаривайте мысленно: «Господи, пошли мне веру в Церковь и в загробную жизнь». И больше ничего! Придет вера – пройдет старческая скука (или хоть значительно уменьшится)» [Там же, с. 515].

«Я перестал теперь вовсе почти о земных делах молиться и прошу Господа только свою несчастную душу спасти, и еще – чтобы телу не было уж очень тяжело... если будет верный кусок хлеба, то пусть будет и хуже... Только поближе к Церкви» [Там же, с. 170].

«Что такое семья без религии? Что такое религия без христианства? Что такое христианство в России без православных форм, правил и обычаев, то есть без византизма? Кто хочет укрепить нашу семью, тот должен дорожить всем, что касается Церкви нашей!» [2, с. 101]

«Любовь есть плод, а начало христианской премудрости есть страх Божий. А за неимением страха Божия недурен страх Бисмарка, Муравьева-Виленского и императора Николая. Очень недурен этот страх! Проповедь бесстрашной любви не что иное, как бессознательная подготовка имманентной религии, антихристианской, то есть царства антихриста» 13, с. 230.

«Изумляюсь, как это другие люди в подобных и еще худших условиях живут и дышат без опоры положительной, уставной религии! Только как взглянешь на икону или на церковные кресты из окна, так хоть на время да покажется осмысленным все жестокое бремя жизни в болезнях, в старости, в заботах [Там же, с. 295].

«Молитесь, чтобы враг не сбил вас; его действия утонченны, и он пользуется тем, что в его личное существование нынче и многие признающие Христа не хотят верить» [Там же, с. 355].

«Полезна каждому его особая, личная мера на все, чтобы не увлекаться восторгами или гордостью и чтобы не впасть в уныние и отчаяние от бессилия духа и тела; доверие к старцам и послушание устанавливают эту меру, умиротворяя угрызения совести и тревогу ума» 22, с. 196.

«Оскорбитель виноват, положим, но оскорбленному это на пользу; идеал в том, чтобы всякий находил сам себя вечно неправым и ежеминутно грешным» [Там же, с. 207].

«Христианское смирение не требует какого-то притворного «игнорирования» своих сил и своего влияния. Смирение не мешает сознавать даже и гений свой, оно велит только помнить, что если Бог дал талант, то Он и отнимет его, что всякая особая сила есть в то же время и немощь, или, точнее говоря, источник особых немощей» 29, с. 334.

«Катехизис самый краткий, сухой и плохо составленный, но духовной цензурой просто-напросто одобренный, для меня, православного, в миллион раз важнее всей учености и всего таланта Владимира Соловьева!» [3, с. 469]

«Весь вековой дух восточного вопроса был дух единоверия, церковности, а не дух племени» [3, с. 508].

«Земное человечество он [христианин] от окончательной исторической гибели спасти не может, но он может и должен стараться о личном своем спасении, о том, чтобы быть в раю, а не в аду; и этому соображению он обязан приносить в жертву даже все политические, культурные и эстетические убеждения и вкусы свои» 16, с. 640.

«Если всего три человека останутся верными Церкви ко дню гибели человечества на этой планете, то эти три человека будут одни правы, и Господь будет с ними, а все остальные миллионы будут в заблуждении» [20, с. 340].

Был в Пантелеимоновом монастыре при жизни отца Иеронима один случай. Молодой монах Геннадий был при смерти, старец-духовник пришел его проведать и Геннадий спросил, что ему сейчас лучше: остаться

жить или умереть? «Разумеется, умереть, – ответил старец. – Ты только что принял схиму и причастился Святых Христовых Таин, значит тебе остается только идти к Богу». «Так благослови, отче, я умру», – произнес Геннадий. «Бог благословит», – тихо ответил отец Иероним. И наутро, в день Успения Пресвятой Богородицы, Геннадий мирно скончался [см.: 1, с. 256].

Не покажется ли иному неподготовленному человеку слова старца бессмысленно-жестокими и непонятными? «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, и не может разуместь, потому что о сем надобно судить духовно», – говорит нам апостол (1Кор. 2, 14).

При жизни Константина Леонтьева, и сразу после его смерти, и теперь про него постоянно говорили и говорят: дерзкая, парадоксальная личность, певец деспотизма, публицист со спорными взглядами, мятущийся гений, который видит мир перевернутым.

Да, современному нецерковному человеку, к тому же развращенному тем самым либерально-эгалитарным прогрессом, о котором писал Леонтьев, человеку, находящемуся на краю гибели, не понять, что мир действительно перевернулся. Для того чтобы понять законы обратной перспективы в иконописи, нужно иметь глубоко духовный взгляд на вещи. Могут ли вместить цивилизованные люди леонтьевские высказывания, подобные следующим:

«Истинное христианство (не выдуманное, а церковное) признает одно только равенство – равенство всех перед судом Божиим, одну только свободу – свободу воли личной в избрании добра и зла. И на небе нет и не будет равенства ни в наградах, ни в наказаниях. И на земле всеобщая равноправная свобода (даже и в той неполной форме, в которой она доступна теперь) есть не что иное, как уготовление пути антихристу» [8, с. 589];

«Божественная истина надежнее и даже научнее глупой мечты о человеческой правде» 11, с. 393;

«Идея всечеловеческого блага, религия всеобщей пользы – самая холодная, прозаическая и вдобавок самая невероятная, неосновательная из всех религий» [2, с. 107];

«Свобода, равенство, благоденствие принимаются какими-то догматами веры, и уверяют, что это очень рационально и научно! Да кто же сказал, что это правда?» [Там же, с. 130];

«Однообразно настроенное и блаженное человечество – это призрак и вовсе даже не красивый и не привлекательный» [Там же, с. 108];

""Блаженны миротворцы», ибо неизбежны распри... «Блаженны

алчущие и жаждущие правды», ибо правды всеобщей здесь не будет. Иначе зачем же алкать и жаждать? Сытый не алчет. Упоенный не жаждет» 21. с. 320.

«В жизни и любовь, и великодушие, и даже ложно понятая справедливость могут порождать зло. Это надо понимать» [30, с. 268];

«Неужели мы не поймем, наконец, что афонский монах или набожный московский купец, которые говорят: «Бога бойтесь, царя чтите», и при слухе о надеждах прогресса с удивлением и неверием пожимающие плечами, гораздо даже более реалисты, чем те европейцы, которые какой-то свободой без страха хотят дисциплинировать государства» 25. с. 224.

«Вера в либералов и мирных прогрессистов слепа. Как будто бы конституция сделала людей добрее, умнее, честнее, здоровее и сытее!» [Там же, с. 220];

«Государство обязано быть всегда грозным, иногда жестоким и безжалостным, потому что общество всегда и везде слишком подвижно, бедно мыслью и слишком страстно» [Там же, с. 221];

«На что нам Россия не самодержавная и не православная? На что нам такая Россия, в которой бы в самых глухих селах утратились бы последние остатки национальных преданий?» 15. с. 282.

«Нужно ли и полезно ли много учить народ? Хорошо ли навязывать ему наши общеевропейские понятия, наши вкусы, наши идеалы, наши предрассудки и наши ужасающие ошибки?» [30, с. 273];

«Ничем и никогда людей удовлетворить нельзя без принуждения и без разнородных форм и приемов насилия над их волей, умом, страстями и даже невинными и честными желаниями» 25. с. 224.

«Никакое польское восстание и никакая пугачевщина не могут повредить России так, как могла бы ей повредить очень мирная, очень законная демократическая конституция» [2, с. 106];

«Если культурная солидарность наша с Западом неотвратима и неисцелима, то национальное дело наше раз навсегда проиграно» 14. с. 288.

«Я не самих славян люблю во всяком виде и во что бы то ни стало; я люблю в них все то, что считаю славянским; я люблю в славянах то, что их отличает, отделяет, обособляет от Запада» 12. с. 446.

«Считать «Братьев Карамазовых православным романом могут только те, кто мало знаком с истинным православием, с христианством святых отцов и старцев афонских и оптинских» 18. с. 92–93.

«Можно почти наверное предсказать, что Россия может погибнуть только двояким путем: или с востока от меча пробужденных китайцев, или

путем добровольного слияния с общеевропейской республиканской федерацией» [3, с. 510];

«Побольше веры в дисциплину Церкви и поменьше веры в атеистическую свободу Запада!» 12, с. 451;

«Кто радикал отъявленный, то есть разрушитель, тот пусть любит чистую племенную национальную идею, ибо она есть лишь частное видоизменение космополитической разрушительной идеи» [2, с. 108];

«Где законное, священное право насилия со стороны людей, облеченных властью, над волей нашей ослабло и в сознании самих принуждающих, и в сердцах принуждаемых, там где утратилось умение одинаково смело властвовать и уметь подчиняться с любовью и страхом, не стыдясь последнего, там уже не будет ни силы, ни жизни долгой, ни прочного векового порядка» 12, с. 435;

«В прогресс верить надо, но не как в улучшение непременно, а только как в новое перерождение тягостей жизни, в новые виды страданий и стеснений человеческих. Правильная вера в прогресс должна быть пессимистическая, а не благодушная, все ожидающая какой-то весны. Новая культура будет очень тяжела для многих, и замесят ее люди столь близкого уже XX века никак не на сахаре и розовой воде равномерной свободы и гуманности, а на чем-то ином, даже страшном для непривычных» [30, с. 274];

«Пока религия жива, все еще можно изменить и все спасти, ибо у нее на все есть ответы и на все утешения. А где нет утешения – там есть кара и принуждение, оправданные не притворными фразами о «горькой необходимости», а правом Божественным, вполне согласным с законами вещественной природы, ненавидящей равенство!» 25, с. 224

А как грозно для некоторых звучат такие леонтьевские слова: «Реакционно-двигающая мысль», «любовь к Церкви и ее стеснениям», «добрый страх»!

Конечно, подобные высказывания могут вызывать у современных обмирщенных людей страх и резкое отторжение. Но ведь и Спаситель нам сказал: «Не все вмещают слово сие, но кому дано» (Мф. 19, 11).

В заключение еще раз хочу подчеркнуть, что взгляды Константина Николаевича Леонтьева ценны для нас их поистине евангельским и святоотеческим содержанием. И только церковный человек, подкрепляемый благодатью Божией, может их правильно понять и использовать во спасение.

Игумен Петр (Пиголь), Москва 25 января 2006 г.

Библиография:

1. Великая стража: Жизнь и труды блаженной памяти афонских старцев иеросхимонаха Иеронима и схиархимандрита Макария. Кн. 1. Иеросхимонах Иероним, старец-духовник Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. М., 2001.
2. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство / Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. М., 1996. С. 94–155.
3. Леонтьев К. Н. Владимир Соловьев против Данилевского « Там же. С. 466–511.
4. Леонтьев К. Н. Воспоминание об архимандрите Макарии, игумене Русского монастыря святого Пантелеимона на Горе Афонской / Там же. С. 572–586.
5. Леонтьев К. Н. Воспоминание об архимандрите Макарии, игумене Русского монастыря святого Пантелеимона на Горе Афонской: Комментарии / Леонтьев К. Н. Собрание сочинений: в 12 т. М., 2004. Т. 6 (2). С. 583–593.
6. Леонтьев К. Н. Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой / Восток, Россия и славянство. С. 458–466.
7. Леонтьев К. Н. Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты: 1865–1872. М., 2003.
8. Леонтьев К. Н. Добрые вести / Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. С. 587–600.
9. Леонтьев К. Н. Достоевский о русском дворянстве » Там же. С. 689–693.
10. Леонтьев К. Н. Еще о греко-болгарской распри « Там же. С. 82–93.
11. Леонтьев К. Н. Записка о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге / Там же. С. 391–395.
12. Леонтьев К. Н. Записки отшельника / Там же. С. 432–458.
13. Леонтьев К. Н. Избранные письма: 1854–1891. СПб., 1993.
14. Леонтьев К. Н. Как надо понимать сближение с народом? / Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. С. 288–298.
15. Леонтьев К. Н. Катков и его враги на празднике Пушкина / Там же. С. 278–287.
16. Леонтьев К. Н. Кто правее? / Там же. С. 625–678.
17. Леонтьев К. Н. Культурный идеал и племенная политика / Там же. С. 600–625.
18. Леонтьев К. Н. Мое обращение и жизнь на Святой Афонской Горе / Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба. М., 2002. С. 91–108.
19. Леонтьев К. Н. Моя исповедь / Леонтьев К. Н. Собрание сочинений в 12 т. СПб., 2003. Т. 6 (1). С. 228–252.

20. Леонтьев К. Н. Наши окраины / Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. С. 338–346.
21. Леонтьев К. Н. О всемирной любви / Там же. С. 312–329.
22. Леонтьев К. Н. Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни / Там же. С. 175–217.
23. Леонтьев К. Н. Панславизм на Афоне / Там же. С. 56–80.
24. Леонтьев К. Н. Пасха на Афонской Горе / Там же. С. 346–352.
25. Леонтьев К. Н. Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 года / Там же. С. 218–262.
26. Леонтьев К. Н. Письма отшельника / Там же. С. 166–175.
27. Леонтьев К. Н. Русские, греки и юго-славяне « Леонтьев К. Н. Собрание сочинений: в 12 т. СПб., 2005. Т. 7 (1). С. 444–498.
28. Леонтьев К. Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения / Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. С. 400–431.
29. Леонтьев К. Н. Страх Божий и любовь к человечеству » Там же. С. 329–338.
30. Леонтьев К. Н. Чем и как либерализм наш вреден? « Там же. С. 267–278.
31. Леонтьев К. Н. Четыре письма с Афона / Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба. С. 436–471.
32. Никон (Рождественский), епископ. На Новом Афоне // Игумен русских святогорцев. М., 1998. С. 197–222.
33. Петр (Пиголь), игумен. Образец православной цивилизации // Церковное Предание и святоотеческое наследие. М., 2004. С. 24–48.
34. Письмо схиархимандрита Макария (Сушкина) к архимандриту Леониду (Кавелину) от 1871 года без даты // ОР РГБ. Ф. 147, к. 7, ед. 11, л. 86–86об.
35. Тихомиров Л. А. Тени прошлого: К. Н. Леонтьев // Константин Леонтьев: Pro et contra. СПб., 1995. Кн. 2. С. 6–28.

Содержание

Игумен Петр (Пиголь) Афонский старец иеросхимонах Иероним (Соломенцов) и Константин Леонтьев игумен Петр (Пиголь)	1
---	---